
А. Е. ГРИНИН

АНТАНТА, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

*В 2017 г. исполнилось сто лет с начала Февральской революции. Но ее природа и глубинные причины сегодня ясны едва ли не в меньшей степени, чем это казалось раньше, поскольку их объяснения все еще следуют в русле **идеологических** или **геополитических** посылок. Вот почему причины по-прежнему ищут в либеральных доктринах рубежа XIX–XX вв., которые в России дважды обанкротились. Или в догмах марксизма, которые, напротив, в 1917–1918 гг. неожиданно для российских и западных либералов восторжествовали, но через 73 года ушли в небытие вместе с СССР. Что же все-таки предопределило падение монархии, открыв дорогу **февральско-октябрьским** событиям? Ведь в 1913 г. – в год 300-летия дома Романовых – горизонт империи, казалось, был чист от революционных туч. Август 1914 г. отделяют от Февраля 1917 г. всего 32 военных месяца. Значит ли это, что именно они содержали в себе угрозу или цепь угроз, способных изменить историю не только России, но и всего «мира XX века», как Французская революция «открыла XIX век Европы» (А. Солженицын)? Почему революция началась в России практически накануне победы? Каково было влияние союзников – Англии и Франции – в поддержке оппозиции в России и возбуждении революционных настроений? Важно понять, почему Февраль открыл дорогу беспрецедентной катастрофе российской государственности. И не уходят ли причины этой катастрофы в 1907–1908 гг., когда Россия круто изменила внешнеполитический курс? В настоящей статье мы попробуем взглянуть на эти вопросы с новой точки зрения.*

Ключевые слова: *Союз трех императоров, Англо-русская конвенция 1907 г., Антанта 1904 г., Большая Антанта, Первая мировая война, Февральская революция 1917 г., Брестский мир, Версальский мирный договор, Дума.*

Введение

В 2017 г. исполнилось сто лет с начала Февральской революции. Но ее природа и глубинные причины сегодня ясны в меньшей

степени, чем это казалось во времена СССР и борьбы идеологий. Что все-таки предопределило падение российской монархии, открыв дорогу февральско-октябрьским событиям? Объем статьи, к сожалению, не позволяет сделать даже краткий обзор причин Февральской революции. Подробнее об этом можно прочесть, например, в книге автора «Февральский сфинкс, или цвета российских революций» (Гринин 2017). Анализ общих предпосылок Февраля представлен в работах С. П. Мельгунова (1931; 2005), В. В. Леонтовича (1995), Л. Н. Литошенко (2001), Г. М. Каткова (2006), А. И. Солженицына (2017), Б. Н. Миронова (2010), В. А. Никонова (2011), М. В. Оськина (2010а; 2010б) и др. Задача данной статьи – детальнее рассмотреть фактор Первой мировой войны, который во многих современных исследованиях «в объяснении революции 1917 г. вышел на первое место» (Миронов 2010: 285–351).

С таким выводом можно было бы поспорить, ведь Вторая мировая война (1939–1945 гг.) оказалась для России (в лице СССР) на порядок тяжелее. Однако она завершилась победой. Возможно, дело в том, что Первая мировая имела другую природу, и проницательные люди еще до начала конфликта сформулировали предостережение: борьба между «Германией и Россией, независимо от ее исхода <...> представит смертельную опасность и для России, и для Германии» (Дурново 1922: 195); Февральская катастрофа оказалась плодом «чудовищных катаклизмов, рожденных Первой мировой» (Gellately 2009: 11). Каким же образом страна оказалась втянута в войну, которая даже в случае полноценного ее участия в победе завершилась бы миром, «продиктованным с точки зрения экономических интересов Англии»? А при неудаче России угрожала бы «социальная революция в самых крайних ее проявлениях» (*Ibid.*). Для понимания взаимосвязи Первой мировой войны и Февраля 1917 г. важны «конкретные обстоятельства», имевшие место в последнее десятилетие перед войной (Clark 2013: 17). И образование Антанты, окончательно разделившее Европу на два враждебных лагеря, думается, занимает в ряду таких «обстоятельств» первое место.

1. Горе побежденным

Циклопический масштаб событий и по прошествии ста лет объективно затрудняет формулировку единого мнения о причинах Первой мировой войны. Тем не менее есть одно принципиальное

обстоятельство. Первая мировая война определила не просто победителей и проигравших. Она стала причиной революций, исчезновения империй, возникновения новых государств, перекройки границ в интересах победителей. Причем Россия, вступив в войну в коалиции будущих победителей, в число победителей не вошла.

Ее представители не участвовали в подписании Версальского мирного договора (28.06.1919 г.). Это логично в отношении правительства большевиков, заключивших в марте 1918 г. сепаратный мир с Германией и отказавшихся платить военные долги царского и Временного правительств. Но Д. Ллойд Джордж и Ж. Б. Клемансо официально так и не признали адмирала А. В. Колчака и генерала А. И. Деникина правопреемниками Российской империи. При этом не воевавшая Польша Ю. Пилсудского удостоилась чести определять новые границы за счет Германии и России. Версальский договор также закрепил расчленение России, потребовав от Германии в статье 116 считать независимыми государства, возникшие на территории бывшей империи¹. То есть с Россией поступили как с побежденным противником.

Версальский мирный договор обнаружил систематизированное стремление Лондона навязать Европе и остальному миру свое видение трагедии: «Самым разительным примером окажется для будущих поколений вопрос о “вине” за мировую войну, т. е. вопрос о том, кто посредством господства над прессой и телеграфными кабелями всей Земли обладает властью устанавливать в общемировом мнении те истины, которые ему нужны в собственных политических целях...» (Шпенглер 1998: 490). Великобритания и Франция позаботились, чтобы никого, включая ученых-историков, не мучил вопрос о виновниках мировой войны. В разделе VIII ст. 231 Версальского договора таковыми признаны кайзеровская Германия и ее союзники². Поэтому, например, американский историк Р. Пайпс в своем почти 1800-страничном исследовании (Пайпс 2005) посвятил причинам Первой мировой войны полстранички англосаксон-

¹ «Германия признает независимость всех частей прежней Российской империи, которые ей принадлежали до 1 августа 1914 г., и навсегда обязуется считать эту независимость неприкосновенной» (Friedensvertrag... n.d.).

² «Союзники и ассоциированные с ними правительства объявляют, и Германия это признает, что именно Германия и ее сателлиты являются виновными и ответственными за все потери и разрушения от навязанной ими войны...» (*Ibid.*).

ской аксиомы: виновата Германия. И выбирать России «оставалось лишь одну из двух дорог: выступить против Германии в одиночестве или же действовать совместно с Францией, а, возможно, и с Англией» (Пайпс 2005: 269).

Трудно оспорить утверждение, что «историю пишет победитель» (Гирпиц 1957: 219) и Россия (в лице СССР) стала победителем во Второй мировой войне. Кто мог помешать советским историкам вернуться к первому конфликту, чтобы выявить истинную роль России? И главное – определить: существовала ли *объективная* необходимость для России вступить в ряды *Антанты*? Именно Англо-русское соглашение 1907 г., завершившее формирование Большой Антанты, сделало военное столкновение с Германией в сущности неизбежным (Дурново 1922). И как раз в ходе Первой мировой войны, которая должна была спасти *российскую государственность*, эта государственность перестала существовать.

Триумф большевиков в Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войне (1918–1921 гг.) не легитимировал новую власть перед российским и мировым сообществами. И чтобы оправдать Октябрь, брестскую капитуляцию, Гражданскую войну, советская историография взяла курс на очернение Российской империи. Интересы СССР, с одной стороны, а с другой – всех ответственных за Февраль, а также победителей Англии и Франции парадоксальным образом совпали. Всем трем «свидетелям» стало одинаково выгодно утверждать, что Российская империя была «колоссом на глиняных ногах», ее возглавляли бюрократия и «слабый, пронемецки настроенный» царь.

Исчезновение СССР в 1991 г. еще туже затянуло «февральский» узел. Монополия на истину перешла к США, их европейским союзникам и либералам российского покроя, отвергавшим теперь историю страны с Октября 1917 г. по август 1991 г. Февраль, напротив, стал революционной попыткой России стать демократией. Это трудно соединить с утверждением современника Февраля – российского либерального мыслителя П. Струве: Февраль, вопреки великим надеждам, оказался не революцией, а «катастрофой», «национальным банкротством и мировым позором» (Струве 1990: 235).

2. Законы истории и великие державы

До сих пор научное сообщество не сформулировало общепринятых законов истории, ее периодизации, терминологии. Это открывает дорогу субъективизму, фальсификациям, делает историю легкой добычей пропаганды и идеологического противостояния. Рубеж XX–XXI вв. обнаружил неприкрытое стремление США переписать историю XX в. под свою диктовку. Однако отсутствие законов, составленных человеком, не означает, что в истории не существует закономерностей. Если под таковыми понимать *объективную, не зависящую от воли людей, повторяющуюся взаимосвязь явлений, влияющую на становление и развитие человеческого общества*, то, по нашему мнению, первой в таком ряду стоило бы поставить закономерность *геополитического соперничества великих держав*.

«Главным законом геополитики является утверждение фундаментального дуализма», связанного с географией и историей государств и цивилизаций. Этот дуализм выражается в противопоставлении «сухопутного могущества» и «морского могущества» (Дугин 1997: 27). Трудно оспорить факт, что именно *геополитическое соперничество* проходит красной нитью через всю известную нам историю человечества. И Первая мировая война также оказалась результатом соперничества Англии и Германии (Дурново 1922). При этом Лондон начал пропагандистскую войну против Германии задолго до начала военных действий, объединив «во всем мире все враждебные Германии силы» и создав «такое напряжение, при котором малейший промах может произвести взрыв ужасающей силы» (Тирпиц 1957: 285).

В 1902 г. вышла книга английского экономиста Дж. Гобсона (1858–1940 гг.) «Империализм» (Гобсон 1927). Она имела успех, книгу высоко оценил российский марксист В. И. Ленин. Противоречия великих держав рубежа веков, грозящие большой войной, укладывались в ленинскую теорию империализма как «высшей, последней стадии капитализма». Вспомним, что в СССР по ленинской традиции Первую мировую войну рассматривали как «империалистическую», несправедливую для всех участников. По мнению советских историков, она «явилась результатом не случайных факторов, а закона неравномерного развития капиталистических

стран», в силу которого создаются «враждебные коалиции, и новый передел мира решается войной» (Строков 1974: 129). Войны между государствами после победы социализма должны были отойти в прошлое вместе с «империализмом». Однако прошедшее столетие ленинский оптимизм не подтвердило. «Империализм», видимо, был лишь частным случаем исторического процесса рубежа XIX–XX вв. Закон *геополитического соперничества* помогает точнее понять, почему Европа в начале XX в. оказалась в той военно-политической *конфигурации*, при которой мировая война стала неизбежной.

3. Европейское равновесие³

Поражение Наполеона под Ватерлоо в 1815 г. – за сто лет до начала Первой мировой войны – поставило точку в эпохе Наполеоновских войн. Они также были результатом геополитических противоречий, в первую очередь – Великобритании и Франции. На *Венском конгрессе* (1814–1815 гг.), который «стал самым представительным в истории дипломатии» (Троицкий 1997: 58), великие державы исключили войну из арсенала государственной политики. До Крымской кампании (1853–1856 гг.) почти сорок лет венские решения сохраняли равновесие между великими державами и служили делу мира в Европе.

Крымская война, крайне неудачная для России, обнажила узел неразрешимых европейских противоречий, связанных с Балканами и Черноморскими проливами. Но ее итоги еще не нарушили европейского равновесия. А вот победы Пруссии над Австрией (1866 г.) и Францией (1870–1871 гг.), позволившие объединить германские государства, сломали механизм сдержек и противовесов (Willms 1999: 253). Соперничество вновь становится проблемой континента, потому что «в центре Европы образовалось государство, превосходившее по силе любую другую державу» (Гринин 2016: 30). Впрочем, до эпохи колоний и военно-морского флота Германия не мешала английскому морскому господству. А Лондон устраивало, что французский гегемонизм ограничен на континенте Германской империей. Поэтому мир в Европе длился 44 года – с 1870 по 1914 г.

³ Подробнее о «европейском равновесии» см.: Гринин 2017.

С будущей февральской трагедией связана еще одна особенность объединения Германии. Бисмарк, министр-президент Пруссии с 1862 г. и объединитель страны, был сознательным противником *либерализма*, ориентированного на *революцию и английскую парламентскую модель*, когда монарх – фигура церемониальная, а правит министерство из парламентских партий. Бисмарк был убежден, что это помешает континентальной Пруссии объединить немецкие земли и будет угрожать ее существованию. Если он и говорил о революции, то только о «революции сверху» (Engelberg 2014: 229). Даже прусский нейтралитет в разгар Крымской войны (см.: Nonn 2015; Engelberg 2014: 239–240) Бисмарк оправдывал тем, что ослабление России усилит влияние в Пруссии англофилов и английской парламентской системы (Nonn 2015: 94, 100). Ее утверждение грозило бы политической катастрофой. Подобная модель, навязанная Лондоном и Парижем побежденной Германии во времена Веймарской республики (1919–1933 гг.), неотвратимо привела к торжеству национал-социализма, Второй мировой войне и исчезновению Пруссии.

В Европе и в России как раз в XVIII–XIX вв. формировались базовые принципы современного государства. Идеи французского Просвещения XVIII в. и революции (1789–1794 гг.) оказали огромное влияние на Европу. Но в главном Пруссия опиралась на собственные представления о государстве (см.: Humboldt 1851). Бисмарк много сделал, чтобы сохранить наследственную монархию и в самой Пруссии, и в Германской империи. Конституция, федерация, парламент, местное самоуправление – все это стало частями *конституционной монархии* немецкого образца. Результат оказался впечатляющим. Германия к началу XX в. обогнала Францию по населению, экономике, науке и образованию. Революции, сотрясавшие Францию почти восемьдесят лет (с 1789 по 1871 г.), привели лишь к тому, что страна с первых мест в мире и Европе (по населению, военной мощи и пр.) сошла приблизительно на пятое-шестое (Солоневич 2007: 53). Германия опередила также – и в экономике, и в науке – парламентскую Англию, хотя промышленная революция началась на германских землях лишь в конце XVIII в., а к услугам Лондона были ресурсы и рынки колоний.

Расположение в центре Европы, то есть между Францией и Россией – возможными противниками с востока и запада, – было ахиллесовой пятой Германии. Поэтому Бисмарк стремился избежать возникновения враждебной коалиции великих держав, как во время Семилетней войны. Он видел основу континентальной безопасности в союзе Германии, Австро-Венгрии и России. Ему удалось создать Союз трех императоров в 1882 г., что придавало и «положению России на Западе» устойчивость (Казем-Заде 2004: 46). Проблема заключалась в конфликте геополитических интересов не Германии и России, а России и Австро-Венгрии – за влияние на Балканах. Европейские державы вообще ревниво отслеживали «каждый шаг России по направлению к Константинополю» (Там же: 9). Победа России в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. затянула балканский узел еще туже. Панславистские устремления Петербурга учредить на полуострове славяно-православную федерацию под патронатом России не устраивали Австрию. Это делало Союз трех императоров нестабильным. Бисмарк в конце концов сделал ставку на союз с Австро-Венгрией (немецким государством), будучи уверенным, что республиканская Франция и царская Россия не смогут договориться о сближении.

Поражение Франции в войне с Пруссией в 1870 г. оказалось крайне тяжелым. Париж искал союзников, Британия в то время не желала опасных обязательств при повторении франко-германской схватки. К тому же она сама остро соперничала с Францией из-за колоний в Африке. Российский император Александр III (1881–1894 гг.) вел политику изоляционизма, занимаясь внутренними проблемами – промышленностью, железными дорогами, укреплением финансов. Балканы перестали его интересовать. Как результат – существенно улучшились отношения с Турцией и Австро-Венгрией. Но в 1891 г. Франко-русский договор все-таки состоялся, а в 1892 г. была подписана военная конвенция на случай конфликта Франции с Германией. Почему царь пошел на столь спорное объединение? Франция соглашалась забыть о «польском вопросе» и была готова кредитовать Россию. На рубеже XIX–XX вв. Европа – центр мира – представляла собой «многополярную систему, в которой многочисленные противоположные силы и интересы балансировались в хрупкое равновесие» (Clark 2013: 169).

Этому содействовала «особенность европейской геополитики того периода: множество государств, отсутствие явного гегемона и система великих держав» (Гринин 2016: 26).

4. Антанта и обострение противостояния на Балканах

Последние 15 лет XIX в. были отмечены небывалой империалистической активностью. Ее лидерами стали Великобритания, Франция и Россия. Этот период сопровождался серьезными конфликтами в Африке, Иране, Азии. Но Англия соперничала не с Германией, а с Россией (Казем-Заде 2004: 99, 184) и Францией, причем дело доходило до военных столкновений⁴. С приходом к власти Вильгельма II (1888 г.) Германия продолжила колониальную политику. Это ссорило ее с Британией, которая за пределами Европы считалась только со своими интересами. Поэтому в последние годы XIX в. Франция, Россия и Германия делали серьезные попытки сближения с целью положить конец монополии Англии в колониальных спорах. Франция была унижена Британией в период Фашодского кризиса. Т. Делькассе (1852–1923 гг.), министр иностранных дел Франции, начавший свою деятельность в период Фашодского кризиса, вернулся к идее «континентальной лиги против Британии» (Clark 2013: 186). К прежним обидам прибавилась Англо-бурская война (1899–1902 гг.), воспринятая в Париже, Берлине и Петербурге как оскорбление. Но политическое объединение не состоялось. Франция не была готова признать справедливость германского суверенитета над Эльзасом и Лотарингией. Тем не менее колониальные (империалистические) противоречия на рубеже XIX–XX вв. сталкивали континентальные державы с Великобританией, но не друг с другом.

Обратимся к некоторым представлениям о причинах Первой мировой войны, которые скорее являются мифами, созданными победителями Германии, склонными, как и все победители, к переписыванию истории. Мы полагаем, что германская угроза России является мифом. Несмотря на довольно произвольные изменения границ Венским конгрессом в 1815 г. (решающий голос был тогда у России), у Пруссии и России не было территориальных споров.

⁴ О соперничестве в Центральной Африке см.: Черчилль 2004.

Напротив, после Семилетней войны (1756–1763 гг.) две страны почти 150 лет были партнерами и союзниками. «Польский вопрос» связывал Россию с Пруссией, а потом с Германией. Польские земли, разделенные в конце XVIII в. между Россией, Пруссией и Австрией⁵, объективно были фактором, скрепляющим Союз трех императоров. Новый Русско-германский десятилетний торговый договор был заключен в 1894 г. и перезаключен в 1904 г. Результаты впечатляют: в течение 19 лет (с 1894 по 1913 г.) Германия оставалась главным торговым партнером России, торговый оборот вырос почти в 2,5 раза, российский экспорт опережал германский и в 1913 г. достиг почти 800 млн золотых рублей (см.: Россия... 1995).

Сопоставление исторических фактов также обнаруживает абсурдность утверждений о намерениях Германии напасть на Россию. Русско-японская война складывалась неудачно для России. Военному руководству пришлось из армии мирного времени (примерно 1 млн 100 тыс. человек), дислоцированной на границе с Германией и Австро-Венгрией, за полтора года отправить на Дальний Восток не менее 400 тыс. солдат и офицеров. А что же Германия? Вильгельм II гарантировал нейтралитет. Относительно западной границы Петербург может быть спокойным: «Германия не двинется» (Витте 2002: 454–455).

Балтийскую эскадру практически в полном составе отправляли на помощь флоту, блокированному японцами в Порт-Артуре⁶. В 1904 г. Германия располагала вторым после Британии военным флотом. Кто бы защищал балтийское побережье России, если бы Берлин готовился к нападению? В период Гулльского инцидента⁷ как раз британские власти, воспользовавшись случайным конфликтом в Северном море, развязали русофобскую кампанию в печати и угрожали нападением на Балтийскую эскадру. Вильгельм II встал на сторону России. Рассмотрение инцидента передали в Гаагский суд (см.: Широкоград 2003: 469–471). Берлин снабжал корабли Балтийской эскадры углем в германских гаванях (Clark 2013: 211).

⁵ Речь идет о разделах Польши между Пруссией, Австрией и Россией в конце XVIII в.

⁶ Поход на восток начался 2 октября 1904 г.

⁷ Речь идет о событии 22 октября 1904 г., когда российские корабли Второй Тихоокеанской эскадры случайно обстреляли в Северном море английские рыболовецкие суда, приняв их за японские миноносцы (Широкоград 2003: 51).

Австро-Венгрия также обещала нейтралитет. В 1903 г. Николай II и Франц-Иосиф I встречались в Австрии для согласования совместных действий.

Обратимся также к важнейшему вопросу о том, какие причины побудили Лондон сформировать в 1904–1907 гг. из непримиримых врагов – Франции и России – союз (Антанту), направленный уже против Германии. Считаем утверждение о том, будто Великобритания «не могла согласиться с тотальным германским господством в Европе» (Джонсон 1995: 127), вымыслом. Она «мирилась» с этим тридцать лет, соперничая с Россией и Францией. Из состояния покоя ее вывели военно-морские программы Вильгельма II. Естественно, Лондон не мог допустить, чтобы чей-то флот сравнился с британским, тем более превзошел его (Bethmann-Holweg 1989: 54). Величие Англии в прошлом основывалось на ошеломляющем промышленном и экономическом превосходстве. «К 1900 г. и Соединенные Штаты, и Германия успели обогнать Англию» (Казем-Заде 2004: 184). Неудивительно, что там воцарилось убеждение, что «если вовремя не решиться разрушить эту могущественную машину, созданную Бисмарком, то даже и чисто экономическая конкуренция с ней станет для Британской империи непосильной» (Тарле 1958: 32).

Лондон отказывается от традиционной политики изоляции и начинает сколачивать коалицию против самой сильной державы континента, но на самом деле – против соперника на море. В апреле 1904 г. Британия заключает союз с Францией. Малая Антанта стала поворотом внешней политики королевства, нарушив прежнее хрупкое континентальное равновесие. Но одной Франции для превосходства над Германией было мало. Нужен был целиком Франко-русский союз. Однако примириться с Россией Лондону было непросто. В 1902 г. был заключен Англо-японский союз против России. «Усиленная союзом с Британией, Япония обрела необходимую уверенность», чтобы начать войну (Clark 2013: 207). Лондон был главным кредитором Токио, на английских верфях строились японские военные корабли. Но поскольку вектор большой политики в Европе изменился, Англии пришлось вместе с США принуждать союзника Японию к миру с Россией, заключенному в июне 1905 г. А уже в декабре 1905 г. британский МИД, главой которого

стал Э. Грей (один из главных архитекторов Первой мировой войны), определился с тем, что «наибольшую угрозу Британии представляет не Россия, а Германия», и задача – «завоевать и затем удержать союзнические отношения с Россией» (Казем-Заде 2004: 229).

В. И. Ленин, утопист в плане мировой пролетарской революции, в текущей политике часто обнаруживал проницательность. В «Тетрадах по империализму» он верно оценил смысл Англо-русской конвенции 1907 г.: «Когда господствует Тройственное согласие, оно захватывает Марокко и делит Персию...» (Ленин 1962: 626). А в конспекте книги «Война стали и золота» Г. Брейлсфорда (см.: Brailsford 1914) он отметил слова автора о том, что в 1906 г. английская «дипломатия искала русской поддержки против Германии» (Ленин 1962: 628). Антанта оказалась для России поворотом, «ставшим одним из решающих слагаемых в вопросе империалистической войны 1914 года» (Рейснер 1925: 56).

Германский МИД и кайзер попытались в июле 1905 г. заключить русско-германский союз (Clark 2013: 211). Вильгельм II и Николай II встретились около острова Бьёркё на Балтике. Но судьба договора оказалась неудачной: премьер С. Витте выступил против, получив поддержку «внутри российского правительства» (Никонов 2011: 90) и «профранцузской партии» при дворе. С высоты сегодняшних знаний апологеты франко-английской ориентации выглядят дилетантами, ответственными за военно-политическую катастрофу 1917 г. Антанта возвращала балканский мираж на авансцену внешней политики России. Избежать столкновения с Австро-Венгрией и Германией было бы в этом случае невозможно (Clark 2013: 217). Это ответ на вопрос, почему «Балканы – окраина Европы, далекая от европейского центра сил и денег, могли стать местом кризиса гигантского масштаба» (*Ibid.*: 18).

Но балканский омут оказался не единственной проблемой. Англо-русское сближение свидетельствовало о сильном влиянии в правительственных сферах и думско-земских кругах английской модели государства. «Речь» (орган партии кадетов) одобрила договор с Англией (Казем-Заде 2004: 239). Партия октябристов Гучкова – тоже. Российское общество уверовало, что власть ради сближения с Англией «будет держаться “конституционного курса”»

(Ольденбург 1991: 408). Поэтому борьба за ответственное (перед Думой) министерство не прекращалась до самого Февраля 1917 г., став одной из его главных причин.

В 1908 г. разразился Боснийский кризис. Горячие головы в России требовали войны с Австро-Венгрией. Но царь поддержал П. Столыпина, который принял немецкий ультиматум. Это дает пищу для размышлений о том, существовал ли для Сербии мирный выход из июльского кризиса 1914 г. Либерально-патриотическая пресса окрестила итоги кризиса «дипломатической Цусимой». В противоположность ей консерваторы из Госсовета требовали не вмешиваться в балканские дела, настаивали на примирении с Германией, к войне с которой толкает Россию Британия (Clark 2013: 254). «Период 1911–1914 гг. – это период беспрерывных международных осложнений, в центре которых неизменно находился балканский вопрос» (Волков 1977: 150). П. Столыпин, который видел в войне ступень к революции, отстаивал принцип: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего...»⁸. Он заключил в августе 1911 г. Русско-германское (Потсдамское) соглашение. «Оно способствовало некоторой разрядке русско-германских отношений...» (Там же: 149).

Итоги Балканских войн (они, кстати, начались после убийства Столыпина), в которых Петербург поддержал славянские государства, оказались не в пользу России. Турция еще больше сблизилась с Германией, видя в ней защитника. А националисты в Сербии укрепились в мысли, что только война с Австро-Венгрией объединит славян под их главенством (Bethmann-Holweg 1989: 90). В марте 1914 г. проходил съезд партии кадетов. П. Милюков предложил тактику «изоляции правительства» в балканском вопросе и получил поддержку. «Все светила либеральной оппозиции и эсеровской партии, Милюковы, Маклаковы, Керенские и др. <...> оказываются жалкими пигмеями в умственном отношении, совершенно не понимавшими смысла мировой войны и не предугадавшими ее неизбежного исхода» (Павлович 1922: 182).

Было бы упрощением, однако, видеть в событиях 1904–1914 гг. цепь рукотворных комбинаций, целью которых стала бы война. Ее

⁸ Слова из речи П. Столыпина во Второй Государственной думе, март 1907 г.

призрак страшил политиков. Непредсказуемость – одна из составных частей войны. «Никакая другая человеческая деятельность не соприкасается со случаем так всесторонне и так часто, как война» (Клаузевиц 2000: 52). Англия к тому же тяготилась союзом с Францией и особенно – с Россией. Колониальные противоречия примирить на бумаге оказалось легче, чем в жизни. Оппозиция в палате общин утверждала, что договор 1907 г. был «намеренной капитуляцией» (цит. по: Казем-Заде 2004: 238). Однако логика геополитического соперничества неумолима: главную опасность представляла все же Германия. Она опережала Англию в экономике, науке, реконструировала стратегический Кильский канал, завершала строительство железной дороги Берлин – Багдад. Теперь огромные нефтяные запасы Турецкой империи (сегодняшнего Ирака) оказались бы в сфере ее влияния. Д. Фишер (1841–1920 гг.), адмирал флота Британии, один из инициаторов перевода военных кораблей на жидкое топливо⁹, утверждал, что тот, кто владеет нефтью, правит миром. Ни при каких обстоятельствах Лондон не допустил бы германского контроля над богатейшими нефтяными районами.

Таким образом, Первая мировая война не была роковой случайностью, результатом чисто империалистических (колониальных) противоречий. Она не была также следствием «длительного ухудшения отношений». Она стала итогом относительно «краткосрочного потрясения международной системы отношений» (Clark 2013: 19). Именно десятилетие перед войной (1904–1914 гг.) – время создания Антанты – оказалось ступенью в преисподнюю.

5. Война и ее влияние на расклад политических сил в России

Напомним, Россия оказалась втянутой в войну в результате террористического акта – убийства в Боснии в июне 1914 г. наследного принца Австро-Венгрии сербским националистом, за спиной которого стояла радикальная террористическая организация из Белграда (*Ibid.*: 15). Была ли Россия готова к мировой войне? К «кратковременной», какой ее представляли участники конфлик-

⁹ К 1914 г. Великобритания в целом завершила перевод военного флота на жидкое топливо.

та, – да (Пайпс 2005: 277). В 1914 г. армия наступала по всему Восточному фронту, добившись в Галиции стратегического успеха. Германия и Австрия оборонялись. Но 1914 год войну только начал. Когда осенью 1914 г. Турция присоединилась к державам «оси», Россия оказалась блокированной больше, нежели Германия. Вывоз упал сразу на 98 %, а ввоз – на 95 % (Головин 1939: 75). Предвоенные запасы оружия, патронов, снарядов были израсходованы в первые шесть месяцев в надежде на решающий успех. Затягивание войны опасно усиливало финансовую зависимость от союзников.

Позиционная война на Западе не сулила Германии быстрой победы. Командование перенесло усилия на Восточный фронт, более протяженный и менее укрепленный. Горлицкий прорыв (май – июнь 1915 г.) стал началом тяжелых испытаний. Пять месяцев русский фронт откатывался назад. Немецкие войска овладели Русской Польшей, Литвой, частью Белоруссии и Прибалтики (до Риги). Но к началу октября фронт стабилизировался по линии Рига – Западная Двина – Двинск – Барановичи – Тернополь. Германия обнаружила, что бескрайние просторы России, как и во времена Наполеона, могут поглотить армию вторжения без остатка.

1915 год принес России не только военные разочарования. Война провозглашалась походом за свободу южных славян. Однако с Австрией воевали лишь Сербия и Черногория. Болгария выжидала. А когда успех перешел к центральным державам, София в сентябре 1915 г. «впряглась» в их колесницу. Война стала утомлять население и армию, не понимавших ее целей. Важно отметить, что одной из причин Февраля, связанных с войной, стала именно неясность ее целей. «Мотивация солдатской массы оставалась размытой, люди так и не понимали, за что воюют» (Никонов 2011: 320). В период Великого отступления Дума восстала. Оппозиция вернулась к знакомой с 1905 г. тактике: использовать военные трудности, чтобы завершить «дело революции» и «превратить Россию в страну настоящей парламентской демократии» (Пайпс 2005: 305). Но в 1915 г. и на Западном фронте ситуация выглядела плачевной, поэтому ни Лондон, ни Париж думский натиск не поддержали.

В 1915–1916 гг. правительство предприняло масштабные действия по прорыву блокады страны. Реконструировали портовую инфраструктуру Архангельска, возводили Мурманский порт. «Положение заметно улучшилось после того, как удалось построить железную дорогу в незамерзающий Мурманск» (Никонов 2011: 297). В 1916 г. армия непрерывно пополнялась стрелковым оружием, артиллерией. Наступление Юго-Западного фронта летом 1916 г. (Брусилковский прорыв) принесло успех. Словом, 1916 г. стал многообещающим для армии, которая к 1917 г. численно и по обеспеченности достигла пика.

Тиски фронтов сжимались, а резервов у германской Ставки не было. «При затягивании войны наше поражение казалось неизбежным», – признавал Э. Людендорф (2007: 76). Людские резервы центральных держав подошли к пределу. В начале 1917 г. командование посылало «на передовую девятнадцатилетних парней. Призывать более юных немцев было уже невозможно» (Там же: 83). В итоге стратегическая инициатива перешла в руки Антанты. «Это был год, определивший победу Антанты» (Зайончковский 2002: 615). Союзники провели в январе 1917 г. ежегодную конференцию в Петрограде (до этого встречались исключительно во Франции), – значит, за Россией признали одну из ведущих ролей. Интересно отметить, что революции часто бывали следствием проигранной войны, но в 1917 г. революция стала следствием близкой победы. Уникальный случай. И последующее изложение может кое-что объяснить в решающих ее причинах.

6. Влияние политики Англии и Франции на формирование революционных (антимонархических) настроений в России

Война никогда не является изолированным актом (Клаузевиц 2000: 40). Поэтому видимые события – военные, политические и промышленные достижения 1916 г. – были лишь верхушкой айсберга. Февраль predeterminedли другие обстоятельства. Д. Бьюкенен приводит слова премьера Д. Ллойд Джорджа по поводу отречения Николая II: «Одна из английских целей войны достигнута» (Бьюкенен 1991: 228–229). Какая? Конечно, ослабление или устранение геополитического соперника, тем более если последний готовился получить контроль над стратегическими Черноморскими

проливами. Не забудем: в марте 1915 г. Лондон и Париж согласились на российский контроль над проливами и Константинополем, поскольку были в отчаянном положении (Никонов 2011: 295).

С середины 1916 г. кабинет Г. Асквита и потом Д. Ллойд Джорджа руками Д. Бьюкенена, подконтрольной прессы и британской резидентуры¹⁰ возобновили в России тайную войну, чтобы принудить царя добровольно или «революционно» передать реальную власть думскому правительству, то есть реализовать английскую парламентскую модель¹¹. Лондон был уверен, что думские министры окажутся в вопросах проливов и Польши сговорчивее царя. Современному читателю, знакомому с островной Англией, трудно представить степень могущества и влияния на мировые дела Великобритании столетней давности. Но если вместо нее представить сегодняшние США, тогда все становится на свои места.

Принципиальным является вопрос, каким образом мировая война в победной для союзников и России фазе подтолкнула последнюю к революции. Для этого надо понять роль Четвертой Государственной Думы накануне Февраля. События 1905 г. заставили Николая II согласиться на выборный парламент – Государственную Думу (ГД). Но царь отклонил идею английской монархии. Дума не формировала правительство, не назначала премьера. Это делал царь. Он же имел право распустить Думу. Поэтому главная «цель нападок либералов на режим заключалась... в том, чтобы объявить его неспособным решать военные проблемы, поскольку он оставался самодержавным» (Катков 2006: 281). Борьба шла не за истину, а за свержение царского правительства, чтобы формировать думское. С точки зрения закона это был бы государственный переворот. Но переворот таил не только риск, он выглядел бы во время войны предательством. Другое дело – революция! Тогда бы все, «что было тяжким государственным преступлением», стало бы «патриотическим подвигом» (Мельгунов 1931: 7–8). Итак, важнейшим катализатором Февраля можно считать конфликт правительства (монарха) и ГД.

¹⁰ См.: Cullen 2010. Автор – профессиональный криминалист.

¹¹ См.: Бьюкенен 1991: 193–197. Речь идет об аудиенции посла 12 января 1917 г. у Николая II. Бьюкенен советует царю согласиться на думское правительство по английскому образцу.

Оппозиция, владея «огромными денежными средствами и всей русской печатью... создавала общественное мнение страны» (Керновский 1999: 706). В итоге с помощью печатного слова удалось сформировать в столицах и в армейской верхушке «чувство враждебности к династии» (Мельгунов 2005: 65) и монархической идее в целом, подготовившее Февраль. Примером такого воздействия можно считать «стихийное» антиправительственное рабочее движение. Им управлял Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) А. Гучкова в Петрограде. Роль, которую рабочие группы «сыграли в политическом брожении, предшествовавшем Февральской революции, была огромной» (Катков 2006: 24). Напомним: именно социалисты-меньшевики из «рабочих групп» Гучкова, люди грамотные и энергичные, уже 27–28 февраля организовали Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов прямо в Таврическом дворце – в здании Думы. Петросовет стал могильщиком и Думы, и Прогрессивного блока, и Временного правительства, и генералов, поддержавших Февраль, полностью дезавуировав миф о некоем думско-земском либерализме – выразителе воли российского народа. Сегодняшние «демократические революции», проводимые при поддержке США и в их интересах, дают недостающие кусочки мозаики прошлого, погребенные под толщей истории.

В руках монарха в 1916–1917 гг. оставалось достаточно законных полномочий вплоть до роспуска Думы и ареста лидеров. Но в этом случае монарх вступал бы в конфликт с их покровителями – с правительством и общественным мнением Англии¹². После победы только Англия и Франция могли бы легитимировать российский контроль над проливами – главную цель в войне. Но это при условии, что «общественное мнение», определяемое газетами «The Times» или «Daily Mail», не выступило бы против. Вопрос проливов был «постоянным и чрезвычайно эффективным рычагом давления на русскую сторону посредством шантажа» (Оськин 2010б: 191).

Послы Англии и Франции не случайно уже 28 февраля встали на сторону революции. «Западные посольства поддерживали самые

¹² Именно «общественным мнением» был обоснован отказ Д. Ллойд Джорджа и короля Великобритании принять Николая II и его семью в Англии после Февральского переворота.

тесные контакты с думскими и земгоровскими оппозиционными кругами...» (Никонов 2011: 300). Еще до отречения Николая II французский посол М. Палеолог вместе с английским коллегой советовали Временному комитету Думы (возглавляли его П. Н. Милюков и М. В. Родзянко) формировать правительство из лидеров Думы, не оглядываясь на царя, который должен «немедленно преклониться перед совершившимися фактами» (Палеолог 1923: 174). Значит, за Восточный фронт не опасались ни в Лондоне, ни в Париже. Францию, как и Англию, трудно было назвать другом России. В XIX в. самые кровопролитные войны велись с ней. Уже столетие Париж требовал «польской независимости» (Никонов 2011: 299), и лишь немецкие пушки заставляли Францию на время забыть о судьбе проливов и поляков.

Что же изменилось накануне Февраля? После перехвата и расшифровки британской разведкой «телеграммы Циммермана»¹³ Британия и Франция уже примерно за 20 дней до начала беспорядков в Петрограде были уверены в согласии США вступить в войну на стороне Антанты. Это принципиально меняло военную и политическую ситуацию в пользу Лондона и Парижа. Решение США¹⁴ в случае победного наступления генерала Нивеля на Западном фронте весной 1917 г. делали бы Лондон и Париж господами. Царская Россия уже не выглядела абсолютно необходимой частью Антанты.

Февральский переворот выглядит случайным, соединяя в себе, однако, в качестве левой компоненты «теоретический утопизм», а в качестве правой – «прозаическое предательство» (Солоневич 2007: 8). С этой точки зрения он мог бы провалиться, закончиться ничем. Однако необратимость событий, последовавших за Февралем, говорит о том, что государству бросили вызов могущественнейшие силы, природа которых была не понята ни жертвами Февраля (монархистами), ни временными триумфаторами (думскими лидерами)

¹³ А. Циммерман – министр иностранных дел Германии. Его телеграмма от 16.01.1917 г. послу в Мексике (с поручением привлечь Мексику к войне с США на стороне Германии) была перехвачена британской разведкой, расшифрована и попала к американским спецслужбам. 5 февраля США отзывают посла из Германии. А 21 февраля 1917 г. – за три недели до начала беспорядков в Петрограде – президент и конгресс США принимают решение о вступлении в войну.

¹⁴ 6 апреля 1917 г. конгресс США объявил войну Германии, а 12 апреля началось наступление генерала Р. Нивеля.

и социалистами Петросовета). В известной мере эти причины вскрыты в знаменитой «Записке» П. Дурново, в которой он предостерегал монарха от опасностей, могущих возникнуть в результате комбинации внешних и внутренних влияний (Дурново 1922; см. также: Записка... 2014).

П. Н. Дурново (1845–1915 гг.) принадлежал к верхам бюрократии. Он возглавил Министерство внутренних дел в пик Первой революции (Глинка 2001). Дурново доказывал, что союз с Англией неизбежно втянет страну в войну с Германией. Война же преждевременно и излишне сблизит Россию с республиканской Францией и парламентской Англией, которые обязательно воспользуются этим для ослабления власти монарха. Гибель кадровой армии делает государство беззащитным перед думскими оппозиционерами и социалистами, и «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению», – как видим, такая последовательность событий связывалась именно с войной на стороне Англии против Германии (см.: Дурново 1922: 197).

Февральская катастрофа, кстати, не уникальна. Младотурецкая революция 1908 г. превратила по примеру Англии власть монарха (султана) в декорацию, передав бразды правления парламенту и военному триумvirату. Всего через 10 лет в 1918 г. распалась и канула в небытие Османская империя, просуществовавшая до революции 600 лет. А Турция попала в чудовищный водоворот гражданской войны и интервенции.

Заключительные выводы

Август 1914 г. отделяют от Февраля 1917 г. всего 32 военных месяца. В год 300-летия дома Романовых горизонт империи был чист от революционных туч. Предвоенные месяцы и первые полгода войны страна демонстрировала единство монарха, правительства, Государственной Думы и общественного мнения (Мельгунов 1931: 14). Значит ли это, что именно 32 месяца содержали в себе угрозу или цепь угроз, способных изменить не только историю России? «Российская революция (с ее последствиями) оказалась событием не российского масштаба, но открыла собою всю историю мира XX века – как французская открыла XIX век Европы» (Солженицын 2017: 25). Отречение Николая II даже формально не

было связано с военными проблемами. Весной-летом 1917 г. Россия готовилась к наступлению, а не к капитуляции. Более того, вопреки беспомощности февральской власти Восточный фронт весь 1917 г. удерживал две трети австрийской армии и минимум треть германской.

Февральские события связаны с войной и спровоцированы ею, но особым образом. Количественные показатели в 1916–1917 гг. были в пользу царской России и ее армии. К примеру, даже книга А. Нокса (Кнох 1921), британского военного атташе в России, при всей традиционной тенденциозности не дает оснований сомневаться в готовности русской армии к победе в 1917 г. Но сама война на стороне Британии и Франции многократно увеличила шансы насильственной смены власти. Она принципиально усилила зависимость от союзников и Думы, ставшей их слепым орудием. За 145 лет (с 1800 по 1945 г.) Россия участвовала в трех фактически «мировых» войнах, от исхода которых зависела ее судьба. Столкновения с наполеоновской Францией (1812 г.), впрягшей в военную колесницу всю Европу, или с нацистской Германией и ее сателлитами (1941–1945 гг.) в связи с внезапностью нападений и военно-техническим перевесом агрессоров были на порядок тяжелее и опаснее Первой мировой войны, особенно в ее начальной успешной фазе. Но закончились они победами России. А революция-катастрофа разразилась именно в ходе Первой мировой. Не потому ли, что союзные Англия и Франция – главные геополитические соперники России – получили открытую возможность руками думских оппозиционеров вмешиваться в дела государства? «Царь был... свергнут Антантой с помощью русских либералов» (Bethmann-Hollweg 1989: 246).

Влияние Англии и Франции на думско-земскую оппозицию, их роль в возбуждении либерально-революционных настроений были огромными. Поэтому истоки февральской трагедии в первую очередь надо искать в 1907–1908 гг., когда Россия круто сменила внешнеполитический курс. «Неестественность этого союза и парадоксальность русско-германского противостояния стали одним из определяющих векторов развития мировой политики в XX столетии» (Оськин 2010б: 6–7).

Литература

- Бьюкенен, Д.** 1991. *Мемуары дипломата*. М.: Международные отношения.
- Витте, С. Ю.** 2002. *Мемуары*. Т. 1–3. Минск; М.: Харвест, АСТ.
- Волков, В. К. (отв. ред.)** 1977. *«Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: 1871–1918 гг.* М.: Наука.
- Глинка, Я. В.** 2001. *Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917. Дневник*. М.: Новое литературное обозрение.
- Гобсон, Д.** 1927. *Империализм*. Л.: Прибой.
- Головин, Н. Н.** 1939. *Военные усилия России в Мировой войне*. Париж: Тов-во объединенных издателей.
- Гринин, А. Е.** 2017. *Февральский сфинкс, или цвета российских революций*. 2-е изд. М.: Перо.
- Гринин, Л. Е.** 2016. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем. *История и современность* 1(23): 20–63.
- Джонсон, П.** 1995. *Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы*. М.: Анубис, ВИЛАД.
- Дугин, А. Г.** 1997. *Основы геополитики*. М.: Арктогея.
- Дурново, П. Н.** 1922. Записка П. Н. Дурново Николаю II (февраль 1914) со вступительной статьей Мих. Павловича. *Красная новь* 6(10): 178–199. URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/407.html> (дата доступа: 10.10.2017).
- Зайончковский, А. М.** 2002. *Первая мировая война*. СПб.: Полигон.
- Записка П. Н. Дурново** [публикация и комментарии Б. С. Котова и А. А. Иванова]. 2014. *Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи: сб.* М.: РОССПЭН.
- Казем-Заде, Ф.** 2004. *Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии*. М.: Центрполиграф.
- Катков, Г. М.** 2006. *Февральская революция*. М.: Центрполиграф.
- Керсновский, А. А.** 1999. *История русской армии*. М.: Воениздат.
- Клаузевиц, К.** 2000. *О войне*. М.: Логос; Наука.
- Ленин, В. И.** 1962. Тетради по империализму. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 28 (с. 3–742). М.: Изд-во полит. лит-ры.
- Леонтович, В. В.** 1995. *История либерализма в России (1762–1914)*. М.: Русский путь, Полиграфресурсы.

Литошенко, Л. Н. 2001. *Социализация земли в России*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Людендорф, Э. 2007. *Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца*. М.: Центрполиграф.

Мельгунов, С. П.

1931. *На путях к дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года.)* Париж: Родник.

2005. *Судьба императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки*. М.: Вече.

Миронов, Б. Н. 2010. Развитие без мальтузианского кризиса: Гиперцикл российской модернизации в XVIII – начале XX в. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *О причинах Русской революции* (с. 285–351). М.: URSS.

Никонов, В. А. 2011. *Крушение России. 1917*. М.: АСТ: Астрель; Минск: Харвест.

Ольденбург, С. С. 1991. *Царствование императора Николая II*. СПб.: Петрополь.

Оськин, М. В.

2010а. *Брусиловский прорыв*. М.: Яуза; Эксмо.

2010б. *Первая мировая война*. М.: Вече.

Павлович, М. Л. 1922. Вступительная статья к «Записке» П. Дурново. *Красная новь* 6(10): 178–182. URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/407.html> (дата доступа: 10.10.2017).

Пайпс, Р. 2005. *Русская революция 1905–1917*. Т. 1. М.: Захаров.

Палеолог, М. 1923. *Царская Россия накануне революции*. М.; Пг.: Гос. изд-во.

Рейснер, И. М. 1925. Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана. *Красный архив* 3(10): 54–66.

Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник / отв. ред. А. П. Корелин. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995.

Солоневич, И. Л. 2007. *Великая фальшивка февраля*. М.: Алгоритм; БСК.

Солженицын, А. И. 2017. Размышления над Февральской революцией. *Родина* (февраль): 2–25.

Строков, А. А. 1974. *Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне*. М.: Воениздат.

Струве, П. 1990. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. *Из глубины: Сборник статей о русской революции* (с. 235–250). М.: Изд-во Московского ун-та.

Тарле, Е. В. 1958. *Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг.* М.: Изд-во АН СССР.

Тирпиц, А. фон. 1957. *Воспоминания. Монография.* М.: Воениздат.

Троицкий, Н. А. 1997. *Россия в XIX веке: Курс лекций.* М.: Высшая школа.

Черчилль, У. С. 2004. *Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии 1897–1900.* М.: Эксмо.

Широкопад, А. Б. 2003. *Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907.* М.: АСТ.

Шпенглер, О. 1998. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 2.* М.: Мысль.

Bethmann-Holweg, T. von. 1989. *Betrachtungen zum Weltkriege.* Essen: Reimar Hobbing.

Brailsford, H. N. 1914. *The War of Steel and Gold. A Study of the Armed Peace.* London: Bell.

Clark, Ch. 2013. *Die Schlafwandler. Wie Europa in den Ersten Weltkrieg zog.* München: Verlag-Anstalt.

Cullen, R. 2010. *Rasputin: The Role of Britain's Secret Service in His Torture and Murder.* London: Dialogue.

Engelberg, E. 2014. *Bismarck: Sturm über Europa. Biographie.* München: Siedler Verlag.

Friedensvertrag von Versailles. N.d. Abschnitt XIV. Artikel 116. 1919. *Versailler Vertrag.* URL: <http://www.versailer-vertrag.de/vv-i.htm> (accessed: 10.10.2017).

Gellately, R. 2009. *Lenin, Stalin und Hitler.* Ulm: Verlagsgruppe Lübbe.

Humboldt, W. von. 1851. *Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen.* Breslau: Verlag von Eduard Trewendt.

Knox, A. 1921. *With the Russian Army, 1914–1917.* London: Hutchinson & Co. Paternoster Row.

Nonn, Ch. 2015. *Bismarck. Ein Preuße und sein Jahrhundert.* München: Verlag C. H. Beck.

Willms, J. 1999. *Bismarck – Dämon der Deutschen.* Ulm: Knaur.